

1911. С.52.
9. Васильев М.Г. История Вятской гимназии... С.52-53.
10. Васильев М.Г. История Вятской гимназии... С.51.
11. Журнал Министерства народного просвещения. 1838. №8.
12. Мирсаитова. С.Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. Ч.1. Екатеринбург, 2000. С.79.
13. Журнал Министерства народного просвещения. 1843. №10-12. Ч.40. С.75; 1851. №4-6. Ч.70. С.26; 1855. №11. Ч.88; 1856. №9. Ч.91. С.54.
14. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф.92. Оп.1. Д.6191. Л.1380.
15. ПСЗ-П. Т.III. № 2502. Ст.203, 204, 205.
16. Спицын А.А. Директора, инспектора и преподаватели Вятской гимназии (1811-1865) // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 год. Вятка, 1905. С.59.
17. Там же. С.63.
18. Там же. С.93, 123.
19. Там же. С.63.
20. Алешинцев И.А. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). – СПб., 1912. С.202.
21. О состоянии Вятской воскресной школы в первое полугодие ее существования // Вятские губернские ведомости. 1861. №30. С.251.
22. Алешинцев И.А. История гимназического образования в России ... С.164.
23. Там же. С.200.
24. Там же. С.196.
25. Васильев М.Г. История Вятской гимназии... С.68, 77, 81, 110, 111.
26. Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е годы XVIII – первая половина XIX вв.): Учебное пособие. Пермь, 1992. С.70.
27. Мирсаитова С.Г. Указ. соч. С.79; Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период... С.70.

Ильиных И.В.
(Н. Тагил)

Аспекты политической социализации городского населения Урала в контексте мобилизационных кампаний рубежа 1920-30-х годов

Создание условий для успешной политической социализации, трактуемой нами как процесс включения человека в систему общественных отношений посредством усвоения норм, ценностей, практик поведения, закрепленных в социальной культуре, является одной из актуальных задач, стоящих перед образовательными, общественными, политическими организациями. В настоящее время отношения населения с властью строятся по нескольким моделям взаимодействия, которые диктуют соответствующие до-

минанты повседневного поведения. Сознание каждого поколения современного российского общества отражает специфическое восприятие власти, сложившееся в определенных социокультурных условиях. Это обстоятельство обуславливает исследовательский интерес к советской системе политической социализации, положительная или негативная оценка которой является предметом дискуссий в современной историографии.

В период «великого перелома» социализация населения городов и заводских поселков Урала проходила в контексте кампаний по политической, экономической, идеологической мобилизации. В этих условиях «обыватели» были вынуждены искать наиболее приемлемые стратегии взаимодействия с властью, которые, по сути, сводились к двум возможным вариантам общественного поведения: принятию или непринятию официальной идеологии.

Первый вариант – согласие с официальной системой политических ценностей, выражающееся в демонстрации лояльности по отношению к проводимым властью мероприятиям - был способом адаптации населения к существующим реалиям, необходимым условием удовлетворения материальных потребностей и повышения социального статуса. В условиях целенаправленной политики, под воздействием объективных обстоятельств (свертывания нэпа, кризиса хлебозаготовок, осложнения дипломатических отношений), а также субъективных усилий политических сил в стране в рамках политической мобилизации организовался необходимый власти подъем активности населения. В этот период посредством коллективных (идеологических) и селективных (материальных) стимулов реализовывалась одна из основных задач системы политической социализации по формированию как единственно приемлемой партиципаторной (участвующей) культуры общественного поведения.

Используя политологическую терминологию, при прохождении индивидом поочередно всех стадий политической социализации у него вырабатывалась способность выбирать из предлагаемого набора политических позиций те, которые отвечали бы его осознаваемым или неосознаваемым предпочтениям и убеждениям. Основой этого механизма, по выражению Т. Парсонса, служило «вбирание в себя» общих ценностей через общение со «значимыми другими», что перерастало в следование нормативным стандартам и становилось необходимым компонентом мотивационной структуры (1). Применительно к советской социальной системе использование этого психологического алгоритма позволяло переводить необходимые для общественной мобилизации ценности (в частности партиципаторный элемент политической культуры) в структуры индивидуальной психики, становившиеся политическими свойствами личности. Подобным образом в условиях полной политизации проявление общественной лояльности становилось наиболее приемлемой стратегией социального поведения.

На рубеже 1920-30-х годов система политической социализации основывалась на двух компонентах: рациональном, связанном с распространением необходимой информации, и эмоциональном, ориентируемом на создание позитивного восприятия проводимой политики посредством методов убеждения, внушения, подражания, принуждения.

Одним из основных условий успешной социализации личности было создание целостного информационного поля, недопускающего идейного вакуума в производственной, общественной, личной жизни населения. Приоритетными каналами распространения политической информации являлись образовательные учреждения, входящие в сеть общей, партийной, комсомольской, профсоюзной подготовки, а также центральные и местные средства массовой информации. Основной задачей перечисленных коммуникаторов было создание условий и информационного повода для вовлечения человека в политическое пространство. Также активно использовались традиционные каналы взаимодействия, интерпретированные новыми управленческими структурами для воспитания «политически активных граждан». Такими символично-ритуальными мероприятиями являлись партийные, комсомольские, профсоюзные собрания, производственные совещания, торжественные заседания и демонстрации, ежедневные политинформации, индивидуальные и коллективные «читки» газет, радиопередачи, освоение официального языка, «инициированное» вступление в ВКП(б), символизирующее «передачу - переход» лучших рабочих в ряды партии.

Особое внимание власть уделяла формированию политической идентичности, то есть процессу самоопределения человека в терминах отнесения себя к определенной социальной группе, политической организации, который должен был способствовать появлению устойчивых образцов общественного поведения. Одним из способов конструирования политической идентичности являлся, используя современную терминологию, прием «вовлечения во взаимодействие», который сводился к тому, чтобы подтолкнуть человека к конкретному незначительному действию и на его основе расширить зону совместного участия в решении проблемы. В этом случае решающую роль играл психологический фактор взаимных обязательств, когда человек чувствовал ответственность за принятый поступок и склонялся к последовательности в своих действиях. Для формирования идентичности на ранних этапах становления личности привлекались все традиционные институты социализации, прежде всего школы. Совместно с учителями учащиеся изготовляли наглядные пособия для политической агитации, разносили извещения о начале отчетно-выборных собраний, участвовали в шествиях и демонстрациях, проводили опрос родителей на предмет посещения избирательных собраний. Символическим действием, способствовавшим приобщению к официальному «Я-образу», являлось ношение атрибутики новой идентичности: значков, галстуков, нарукавных нашивок. Особо подчеркива-

лась необходимость освоения официального языка власти посредством разучивания речевок, гимнов, слоганов мобилизационных кампаний. Значительное влияние на политическую социализацию оказывали специфические политические организации молодежной субкультуры, а также сеть добровольческих обществ.

По сравнению с молодежью, не имеющей иного опыта общественных отношений и поэтапно проходящей уровни политической социализации (от подражания родительским практикам социального поведения до усвоения четкого минимума политических знаний в образовательных учреждениях), выработка необходимой лояльности и активности у старших возрастных категорий вызвала ряд затруднений. Проблемы самоопределения и ориентации в политическом пространстве контекстно прослеживаются в направленном на выявление отношения населения к самокритике исследовании Уралоблстаткома (2).

Одним из способов вовлечения взрослого населения в политическое пространство являлись производственные, партийные, отчетно-выборные собрания, традиционно выполнявшие в российском государстве роль коммуникативных каналов во взаимодействии власти и общества. В советский период они обладали тройным функционалом: служили проводником официальной идеологии; необходимым механизмом «выброса пара», когда населению позволялось (в рамках допустимого) критиковать власть, и структурным элементом процесса обратной связи по выявлению рационализаторских предложений.

Основная задача организаторов мобилизационных кампаний (по перевыборам в советы, перезаключению коллективных договоров, распространению займов индустриализации, интенсификации производства) заключалась в изменении вектора активности индифферентно настроенного населения, которое безучастно относилось к социалистическим преобразованиям, с трудом воспринимало идеологическую риторику и доминантно было озабочено решением социально-бытовых проблем. Для реализации этой цели, следуя инструкциям обкома ВКП(б), к каждой ячейке дифференцированно прикреплялся низовой агитатор, беседы с коллективами строились в разрезе последних решений пленумов ЦК, обязательно пересекаясь с волнующими рабочих производственными, материальными и культурно-бытовыми вопросами (3).

В ходе политической социализации населения активно использовался авторитет живых и умерших революционных лидеров. В планах работы культмассовых секторов обязательно значились ежегодные «ленинские дни», на заседаниях, посвященных жизни и смерти В.И.Ленина, в основном широко освещались вопросы социалистических соревнований. Возрастание влияния харизматической личности И.В.Сталина, мифологизируемой и са-

квалификацией в восприятии народа, служило дополнительным бонусом в формировании общественной лояльности.

Особая роль в повышении политической активности отводилась центральной, местной и профессионально-ориентированной прессе. Учитывая психологическую особенность традиционного общественного сознания, ориентированного на усвоение чужого мнения, и недостаточный для обоснования собственной точки зрения уровень политической грамотности большинства населения, власть наравне с широкомасштабной агитационно-разъяснительной работой со страниц средств массовой информации предлагала «верить» успешности реализации выбранного курса (4). Материалы центральной и местной печати, выполняющей роль политического воспитателя, преподносились как «школьная шпаргалка».

Воспринимая СМИ в качестве рупора проводимого курса, руководство страны стремилось повысить долю читающего населения. Анализ количества подписчиков позволяет не согласиться с мнением Дж.Брукса, определяющего функционал средств массовой информации как «публичный разговор власти с теми, кто ей сочувствовал». Центральные и местные лидеры стремились охватить информационным колпаком все население региона. Если на южноуральских заводах доля подписчиков газет колебалась от 64 до 86% (5), то в целом по области, по данным переписи рабочих промышленности в апреле - мае 1929 года, процент читающих прессу был ниже (6).

Таблица 1

Категории рабочих	Читаю газеты (%)		
	регулярно	случайно	не читают
мужчины	53,7	26,7	19,6
женщины	32	24,6	43,4
Молодежь до 22 лет	48,9	30,1	21
Старше 40 лет	40,3	21,9	37,8
коммунисты	82,3	12,5	5,2
комсомольцы	67,6	26,2	6,2
беспартийные	42,4	29,2	28,4
высококвалифицированные	52,2	27	20,8
низкоквалифицированные	38,6	27,7	33,7
всего	49,9	26,7	23,4

Средства массовой информации, обладающие мощным импульсом идеологического воздействия, не только оперативно отражали общественно-значимые события, но и представляли собой выверенную совокупность положительных и отрицательных реакций населения на организационные дей-

ствия властей. «Повседневно и оперативно вести агитационно-политическую работу в массах» - стандартный заголовок-лозунг статей центральных, местных, стенных газет, ориентирующих население посредством символов, психозначимых сигналов и примерных алгоритмов поведения на участие в массовых кампаниях. Идеологические формулировки и пропагандистские слоганы, в контексте государственной социальной политики, формировали идеал новой идентичности, образы положительных героев и их негативные антиподы, обосновывали иерархичность властных отношений и дихотомическое деление общества на «своих» и «чужих». Через средства массовой информации власть «воспитывала» «нового» человека, активно пропагандируя преимущества социального активизма. На страницах газет конструировался образ положительного героя, схематического эталона, предлагаемого населению в целях создания настроения трудового подъема и положительной установки на сверхнапряженный труд (7). Стремясь укрепить в сознании общества необходимость политической лояльности, руководство страны «рекламировало» преимущества новой системы ценностей, используя в качестве одного из сюжетов социального мифотворчества успешность «социалистической биографии». Как одно из главных достижений советского строя преподносилась возможность самореализации, стремительного «превращения» неграмотного крестьянина, недисциплинированного и неквалифицированного рабочего-сезонника в авторитетную личность. Населению предлагалась реальная перспектива, пройдя через «инициационную систему» (сеть политпросвещения, ФЗУ, членство в ВКП(б)), активно участвуя в производственных и советских массовых кампаниях, приблизиться к социальному идеалу и «выбиться в люди», существенно изменив социальный статус и материальное положение.

Но свободной реализации «манипулятивных» стратегий власти препятствовала политическая неграмотность и слабая заинтересованность населения именно идеологической литературой. Согласно сводкам Пермского окружного совета «читаемость» политической периодики достигала лишь 1,4%, интерес к газетным статьям руководящего характера составлял 8,55%, вопросами социалистического строительства интересовались 23% граждан, отсутствие интереса к местной газете «Искра» проявляли 100% населения округа (8).

В этом случае стержневой основой информационной политики становились индивидуальные и коллективные «проработки» нормативно-правовых и распорядительных документов советской «идеологической кухни» (директив, постановлений, циркуляров, распоряжений), обладающих разной степенью информативности. Если директивы центральных органов власти отражали догматизированные представления о реальности, то сопутствующие им циркуляры советских управленческих структур низшего звена сочетали официальные идеологемы с оценкой социальной реальности. Осоз-

навая, что идеологические мотивировки не приводят к желаемому уровню общественного участия, местные власти артикулировали традиционными гражданскими и семейными ценностями, апеллируя необходимостью защиты достижений революции и выполнения морального долга построения социализма.

Недостатки системы политической социализации, обусловленные некавалифицированностью управленческих кадров, форсированностью социальных процессов, несбалансированностью предлагаемых задач с материально-идейной базой, неблагоприятными жизненными условиями, определили появление второго варианта общественного поведения, связанного с проявлением политической апатии, добровольного или насильственного отчуждения, недоверия к власти и отказа от поддержки проводимого курса.

-
1. Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. М., Екатеринбург, 2002. С. 467.
 2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5469.Оп.13.Д.609.Л.7-7 об.
 3. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф.Р-130. Оп.1.Д.151.Л.113.
 4. Государственный общественно-политический архив Пермской области (ГОПА-ПО). Ф.2. Оп.5. Д.24. Л.33.
 5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАС-ПИ). Ф.17. Оп.67. Д.288. Л.15.
 6. История индустриализации Урала (1926-1932гг.). Свердловск, 1967. С.356-357.
 7. Попова С.М. Контент-анализ в исследовании облика положительного героя на страницах газет 30-х гг. // Количественные методы в исследовании по истории советского рабочего класса и крестьянства. Свердловск, 1991. С.34.
 8. ГАПО. Ф.Р-122. Оп.1.Д.1188. Л.19.

**Кальсина А.А.
(Пермь)**

**Деятельность Пермского учительского союза в дни
Февральской революции и вопросы исторического
образования в школе (март 1917 г. — январь 1918 г.)**

Февральская революция прокатилась по стране подобно мощной волне, разрушая все старые государственные структуры, вбирая в себя огромную энергию протеста. Для весны 1917 г. характерна невиданная эйфория. В стране стали популярны идеи свободы и демократии, оста-